

ПУТЬ СТРАННИКА

(Передовая статья I-го номера).

К МОИМ НЕЧАЯННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ*).

Я выпускаю этот журнал в сущности для себя и для близкого круга своих интимных друзей. Ундервудовский тираж освобождает меня от необходимости обращаться к публике и тем самым журналу обеспечивается совершенно свободное выявление его имени и лица. К изданию журнала меня побуждает не личный интерес к этому делу, а серьезное веление совести перед людьми, перед родиной и культурой, наконец, перед Богом, — собрать и сохранить до времени бесчисленные страницы неведомых творений русской общественной религиозной мысли переживаемой нами эпохи.

Неоднократно высказывался разными мыслителями взгляд, что новая история русской религиозной общественной мысли начинается с Достоевского, который является духовным отцом дальнейшего расцвета и возрождения религиозного сознания в передовом и просвещеннейшем русском обществе. Одновременно с ним жил Пушкин, с которого начинается блестящая эпоха новой русской художественной литературы, отличающейся своими религиозными исканиями иного царства и путей в запредельность. Оба эти родоначальника новой русской религиозной мысли и новой русской художественной литературы были современниками величайшего русского святого XIX - го века — Серафима Саровского, за которым утвердилось представление, как о последнем русском святом.

*) Как сказано в предыдущей статье, журнал издавался из конспиративных соображений, как бы одним лицом.

Если верна глубокая мысль, высказывавшаяся многими авторитетными именами, как то Гегелем, Куно-Фишером, Трубецким, Чичериним, Вл. Соловьевым и, наконец, Бердяевым, что история есть процесс постепенного раскрытия Логоса человеку, то внешняя история культуры представляется в соответствии с этим, как учет пролившегося света на землю от святых угодников Божиих. К такому учету небесного урожая зовет ныне Россия современного Пимена, ибо настанет скоро пора раздать собранный хлеб алчущим и взыскующим града небесного.

Таким образом, историю нового русского религиозного сознания мне бы хотелось связать с истинным его родоначальником — с Серафимом Саровским, которому я посвящаю смиренно этот журнал. От его зажженной свечи засветилась неугасимая лампада русской религиозной мысли в лице Достоевского и мистическим сиянием далеко осветила путь русской философии и публицистики через головы В. Соловьева и всей его школы религиозных мыслителей. И тогда же от той же свечи загорелась великая совесть русской интеллигенции и сплошным пожаром осветила всю русскую литературу.

Кто то сравнил Россию с огромной свечей, зажженной перед ликом Божьей Матери. Да будет дозволено и мне сравнить все произведения новой русской религиозной мысли со свечами перед ликом Серафима Саровского, свечами зажженными от неугасимой лампы Достоевского. И вот я вижу, как вся Россия засветилась этими свечами — так много повсюду появилось всевозможных душевных документов религиозного пробуждения и духовного оздоровления благодаря очистительному напитку страдания, благодаря тяжелым испытаниям, разочарованиям и покаянию. Я бы хотел быть послушником в этом великом храме и подготовить современному историку великую литургию грядущего спасения России.

Когда - нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд, усердный, безмянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет.

Так писал Пушкин около 100 лет тому назад. Многое теперь изменилось и больше всего изменился темп всей нашей жизни, так что вековая пыль на Пименовских хартиях ныне может оказаться пылью лет или даже месяцев. И вместо монаха безвестная советская барышня засветит лампаду своей души и безкорыстно, энтузиазмом преодолевая свою усталость, тайно перепишет страницы моего журнала, пока он вновь не попадет в руки нового энтузиаста, зажигая все новые и новые свечи.

Так творится современная литература. На моих глазах толстые рукописи в 300 и 400 страниц выдерживали по несколько ундервудовских тиражей, а более мелкие произведения неведомыми путями появляются почти одновременно в самых различных городах России.

“Путь Странника” — журнал исторический. Это — тайный архив документов, по большей части неизвестных авторов, по всем вопросам, как частной, так и исторической жизни. Но мой журнал является историческим не только в качестве архива для будущего историка, но историческим и для современного общества, в особенности для молодого поколения. Ведь вся современная нашему поколению, поколению отцов, литература по русской общественной религиозной мысли, вышедшая из под печатного станка каких-нибудь 15 - 20 лет тому назад для современного молодого поколения является столь же древним, историческим, засыпанным городом, каким являются для него и Харо - Хото. Наш исторический долг перед русской молодежью — повести ее в эти долины былого и произвести для нее не только археологические раскопки библиографического характера, но дать ей также и образцы избранных страниц по основным и наиболее важным для молодежи проблемам.

**

“Путь Странника” — внепартийный журнал русской религиозной общественной мысли, объединяющий последнюю на почве общих положительных русских идей, утверждающих русскую культуру и ее миссию на земле. Его внепартийность характеризуется не простым декларативным заявлением, а прин-

ципиальной установкой: наметить и подготовить предпосылки для будущей единой и общей платформы — не только для различных течений русской религиозной общественной мысли, но по возможности и для внерелигиозного сознания.

Эта, на первый взгляд, утопическая задача, при ближайшем рассмотрении ее, все же дает основание для практического ее разрешения.

Тут прежде всего следует отметить, что "Путь Странника" не есть церковный журнал в узком и специфическом смысле этого слова. Он не есть журнал "церковников", ибо последние, как впрочем и все остальные религиозные группировки русского общества, не свободны также от крайней замкнутости в себе, не свободны от отчужденности от всего безрелигиозного мира и, наконец, не свободны от нетерпимости ко всем инаковерующим группировкам, между тем как журнал "Путь Странника", как орган внепартийный, всецело зиждется на идее терпимости. Не являясь журналом церковников, "Путь Странника" есть все же журнал церковный в широком смысле слова, поскольку он всецело проникнут идеей и именем внутренней, мистической Церкви. И так как журнал издается не в пустом отвлеченном пространстве, а в среде русского общества, то и естественно, что идеи этой внутренней мистической Церкви преломляются в аспекте если не русской внешней исторической церкви, то в аспекте русской культуры, основным стержнем и корнем которой является бесспорно русская Православная Церковь, ибо все духовные ценности этой культуры проникнуты ее религиозным началом. Отсюда для безрелигиозного общества вытекает единый объединительный положительный тезис: утверждение русской культуры.

Следующий благоприятный для цели журнала момент вытекает из антитезиса, каковым является русская революция. Дело в том, что в огне революции сгорели все те материалистические идеалы, которые препятствовали развитию русской религиозной общественной мысли и обнаружившийся всеобщий кризис (всего интеллигентского сознания) поставил русскую интеллигенцию на бездорожье, откуда естественно возникнет стремление уже к исканиям новых путей, а новый путь

всегда начинается с утверждения, ибо за отсутствием старых путей нечего отрицать.

Религиозное и общественное лицо этого журнала лучше всего обнаруживается в его названии. Что такое "странник" в его внутреннем философском значении? Странник — это человек не имеющий **внешних** целей, а идущий по дороге жизни в любом направлении, при этом предел его безцельных странствований и скитаний всецело определяется **внутренней** целью — поисками иного царства, града небесного. Пути странника — пути странные, непонятные земному, материалистическому человеку, всегда руководящемуся внешними целями. Но в некотором смысле странниками являются в большей или меньшей мере все русские люди. Эта мысль прекрасно иллюстрирована Н. Бердяевым в его книге "Судьба России", где он говорит: "Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России и так прекрасен; странник самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник свободен от "мира" и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции, и здесь мы знаем странников свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищущих неведомого града. Русская душа сторает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалуется о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утolenия. (Бердяев — "Судьба России", стр. 12-14). хийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы" (Бердяев — "Судьба России", стр. 12-14.).

Таким образом путь странника в широком смысле слова есть путь русского человека, путь русской интеллигенции. Уже в этой постановке вопроса выявляется принципиальная позиция

журнала, как журнала внепартийного, общего для всех русских людей и единого для внутреннего пути русского человека.

Как же практически соединить и объединить на этой общей платформе многочисленные религиозные и общественно политические группировки, враждующие между собой, нетерпимые, замкнутые в себе и крайне консервативные в отношении догматов своей веры или учения? Путь для этого имеется только один. Он вытекает из существа вышеописанного странничества и заключается в отказе от внешних целей и в утверждении одной внутренней цели. Внешние цели это — теории и учения, это путь человеческого ума и рассудка. Отказ от них означает признание их относительности. Внутренняя цель, это — любовь и свобода, это “путь сердца золотой”. Утверждение в нем есть признание за ним абсолютного значения, и, как вывод отсюда — заповедь терпимости.

Терпимость следует понимать гораздо шире, чем обыкновенно думают о ней. Терпимость выражается вовсе не в характере отношения к противнику. Уважение к противоположному мнению, сдержанность и тактичность в приемах борьбы и отсутствие личной неприязни к врагу, все это — лишь слова, которые никогда не оправдываются на деле, ибо им не достает главного: сознания равноценности личности перед абсолютной Истиной, чувство всеобщего детства перед Отцом Небесным и тем самым всеобщего братства между собою. Пока в человеке живет сознание, что истина только в нем, до тех пор все слова о терпимости остаются лицемерными. Подлинная терпимость начинается только там, где все идеи и все мнения, то-есть все эти внешние цели, признаются одинаково равноценными, где признается одна абсолютная истина, по разному для разных представляющаяся и в разных аспектах открывающаяся.

Эта единая и абсолютная истина и есть внутренний путь странника. Это и есть путь сердца, ибо истина эта не в голове и не в понятиях мыслится, она не нуждается ни в какой доказательности, она “усматривается и видится, но не выводится и не доказывается.”

В этом заключается путь странника, а не в случайных приложениях случайных знаний. И таким образом я вижу смысл в пути, а не в цели. Все цели (за исключением одной, внутренней

цели, которая в пути) изменчивы, преходящи, призрачны, и, в конечном итоге, равноценны. Изменчивы потому, что ставятся временными и односторонними интересами; преходящими потому, что будучи достигнуты, исчезают. Призрачны, потому что не имеют в себе объективной ценности и сияют или тлеют в зависимости от отношения к ним. Равноценны потому, что нет ни одной среди них абсолютно правильной для всех и каждого. "Каждый мерит мир собственной душой". Другими словами, то, что велико и прекрасно для одного, ничтожно для другого.

Значит дело не в проблеме, а в отношении к ней, в средствах к ее разрешению, в пути. "Средства оправдывают цель" — вот что верно, вот в чем девиз этого журнала, а не противоположный иезуитский тезис. Безкорыстное и глубокое отношение, вот что возвышает всякую цель, углубляет и расширяет всякую проблему. В противном случае жизнь превращается в пустую игру, сокровенная динамика ее подменяется стеной декорацией.

И пусть не говорят, что здесь кроется путь к оправданию всякого вообще пути и в частности пути большевизма, проникнутого тоже безкорыстным и глубоким отношением к цели. Это не верно, ибо путь коммунизма как раз отличается крайне неглубоким отношением к своей цели. Глубокое отношение к цели заключается в полном соответствии целей со средствами к их достижению. Между тем, какая глубокая пропасть между официальными целями и средствами коммунизма — едва ли нужно доказывать.

Но как уберечься от терпимости к творчеству зла? Безогонечная терпимость не должна переходить в индифферентизм по отношению к творящему зло. Всякий, кто допускает совершиться около него зло и не принимает мер против него, является соучастником этого зла. Все это верно, но ведь все религиозные и общественно - политические группировки в конечном итоге формулируют свои идеалы, как ту или иную борьбу со злом, при этом злом различно понимаемым каждою из этих группировок. Так вот пусть каждый понимает это зло по своему. Мы не должны бояться привлечь на свою сторону тех, кто вольно или невольно не разбираются в ценности жизни, считая зло за добро и добро за зло. Они тотчас обнаружат себя, ибо подлинное

зло одним только внешним признаком отличается от добра: зло всегда родит новое зло и через зло проявляется. Поэтому лишь та борьба есть борьба со злом, которая пользуется средствами достойными цели. Если нам говорят о борьбе со злом, то мы не спросим в чем это зло и против кого направлена эта борьба, а мы постараемся выяснить, какими средствами ведется борьба. Средства борьбы не прикроешь никакими высокими фразами, никакой идеологией. Они сразу обнаруживают себя, ибо в борьбе могут быть только два средства: сила и насилие. “Бороться со злом, конечно, нужно силой, так как бессилие ничего не может в мире сделать, но не насилием. Нужно найти такую силу, которая не была бы насилием и по мощи бы своей превосходила бы всякое насилие... Реальную силу нужно брать из первоисточника, из абсолютной действительности, которую следует открыть в себе. Тут не непротивление злу, а противление иное чем то, что принято в нашем мире, более действительное противление, не плодящее нового зла. Борьба силой должна быть рыцарской войною, жертвенным мировым служением. Насилию нужно противодействовать всеми силами, но силами добрыми, а не злыми, рыцарски противодействовать” (Н. Бердяев — “Новое религиозное сознание и общественность”).

Равным образом нет основания опасаться, что терпимость обратится в безразличие или в безпринципность, ибо и то и другое характеризуется отсутствием внутренней идеи, т.-е. ничего общего не имеет с терпимостью.

Заповедь терпимости зовет не только к уподоблению средств и целей и к признанию, что если цель в Боге, то и средства должны быть от Бога, но эта заповедь предполагает еще преодоление того глубокого равнодушия ко всему, что враждебно нам, и ко всякому, кто не с нами, которое сдает нас и обрекает на замкнутость и одиночество.

Итак, идея странничества, идея пути, как самоцели, выявляет сразу целый ряд важных положительных и объединительных принципов, которые позволяют обосновать на них единую платформу не только для всех верующих русских людей, но может быть даже и для всех вообще внепартийных людей.

Эти объединительные принципы сводятся к следующему:

- 1) Странник идет по разным дорогам и иной раз и по без-

дорожью, но где бы он ни шел, он идет на почве именуемой русской культурой.

2) Странник всегда чувствует себя совершенно свободным и как бы ни было затаскано это слово "свобода", как бы пошло оно не звучало во многих теориях и идеологиях, странник этого не боится, т. к. фальш и неопределенность звучат только в умственных построениях, а в сердце свобода всегда ощущается, как самое простое и первоначальное чувство, не вызывающее никогда никаких сомнений.

3) Странник терпим, ибо, идя по пути сердца, все временные категории - идеи и теории кажутся ему той внешней средой, с которой внутренне не связана его судьба, но эту внешнюю среду странник любит, как любит он камни и деревья, поля и озера, среди которых пролегает его путь и часто выводит к месту отдыха и ночлега.

В сущности, этих трех принципов вполне достаточно, чтобы объединить вокруг весьма значительного содержания многие группировки общественной мысли и повести их на борьбу против общего врага, — всего того, что чуждо этим трем принципам, чуждо великой русской идеи Странничества.